

«УЛЬТРАУРБАНИЗМ И АГЛОЦЕНТРИЗМ» VS «ЕДИНАЯ СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ»: АКТУАЛЬНОСТЬ ДИСКУССИИ СОРОКАЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич, д.г.н., проф., alexdru9@mail.ru, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия
Scopus Author ID: 7005628550; ORCID: 0000-0002-1642-6335

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна, д.э.н., проф., kouznetsova_olga@mail.ru, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия
Scopus Author ID: 57204369406; ORCID: 0000-0003-4341-0934

В начале 1980-х гг. в нашей стране развернулась дискуссия по концептуальным подходам в георбанистике, ярким событием которой стала публикация в 1982 г. статьи Н.Т. Агафонова, С.Б. Лаврова и Б.С. Хорева «О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике». По истечении четырех десятилетий основные идеи этих ученых не потеряли своей актуальности и дают основу для осмысления нынешних задач пространственного развития России. Речь идет о необходимости оценки процессов урбанизации как результата трансформации экономики и общества, формирования представлений о единой системе расселения, возрождения с учетом современных реалий экономического районирования.

Ключевые слова: пространственное развитие, урбанизация, городские агломерации, система расселения, экономическое районирование

DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-135-150

Введение. Возникающие в последние годы перед Российской Федерацией все новые и новые вызовы заставляют и управленцев, и исследователей искать подходы к повышению эффективности государственной экономической политики, оптимизировать усилия по обеспечению важнейших составляющих социально-экономического развития. Неизбежен и поиск

направлений трансформации пространственной структуры российской экономики. Можно с полной уверенностью говорить о том, что утверждение в начале 2019 г. Стратегии пространственного развития (СПР) страны¹ не только не стало своего рода подведением итогов дискуссии в этой сфере, но, напротив, еще более ее обострило. Не будет большим преувеличением сказать, что как в научных публикациях, так и в СМИ одним из наиболее острых обсуждаемых вопросов (если не самым острым) является сложившаяся и перспективная роль крупнейших городских агломераций в социально-экономическом развитии страны. С одной стороны, есть множество работ, в которых говорится о преимуществах крупнейших городов и агломераций как центров экономического роста и развития². С другой стороны, постоянно звучат голоса о том, что надо развивать малые города и сельскую местность³.

Казалось бы, очевидный вывод из этой дискуссии – необходимо развивать все типы населенных пунктов, однако обеспечить такой сбалансированный подход и разработать сколько-нибудь целостную государственную политику в отношении декларируемого в СПР «совершенствования системы расселения» пока не удалось. Не раскрывается в СПР и суть «устойчивости» системы расселения, обеспечение которой является одной из задач пространственного развития страны.

В этой связи нам представляется уместным обратиться к опубликованной еще 40 лет назад статье ведущих экономико-географов того периода – Н.Т. Агафонова, С.Б. Лаврова и Б.С. Хорева [2]⁴. Статья этих авторов носила критический характер, о чем говорит само ее название – «О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике»; публикация статьи стала поводом для развернувшейся в тот период серьезной дискуссии⁵.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «О Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 год».

² Предлагаемые в научных работах объяснения преимуществ крупнейших городов мы уже обобщали в [1].

³ Весьма показательна в этом отношении статья в «Российской газете» губернатора Ивановской области С. Воскресенского «Малые города России: размышляя о будущем» (<https://rg.ru/2023/01/18/reg-cfo/delo-za-malymi.html>, дата обращения 20.01.2023).

⁴ Доступна также: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0551/arkiv01.php> (дата обращения 10.01.2023).

⁵ О состоявшейся в Московском филиале Географического общества дискуссии см. [3], доступна также: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0551/arkiv02.php> (дата обращения 10.01.2023).

Не вступая в обсуждение стилистики статьи (которая немало критиковалась оппонентами Н.Т. Агафонова, С.Б. Лаврова и Б.С. Хорева), обратим внимание на предложенные в ней исследовательские подходы, которые, на наш взгляд, не только не утратили своей актуальности к настоящему времени, но лишь еще больше ее приобрели. И следование этим подходам, как представляется, может помочь в решении текущих задач государственной политики пространственного развития.

Возникновение дискуссии о роли крупнейших городских агломераций. Опережающий рост крупнейших городов и городских агломераций стал одним из наиболее масштабных и значимых трендов территориальной организации советского общества еще в 1960-70-е годы, фиксируемым на фоне динамично протекающей в течение ряда предыдущих десятилетий урбанизации. Так, за 1926-1979 гг. доля городского населения в пределах РСФСР возросла с 17,3 до 69,3%, при том, что сам «демографический переход» с превышением удельного веса горожан в населении 50-процентной отметки имел место ещё в 1958 г. На этом фоне стремительно развивались и групповые формы городского расселения. Так, согласно подсчётам П.М. Поляна [4, с. 64-65], в целом по Советскому Союзу число городских поселений, вошедших в состав городских агломераций, за 1959-1979 гг. возросло в 1,8 раза – с 1241 до 2273, а их суммарная людность – в 2,1 раза (с 44,9 до 96,2 млн. чел). Уже к 1970 г. в агломерациях было сосредоточено до 70% городского населения СССР [5]. Процесс этот, будучи созвучен общемировым тенденциям [6], благоприятствовал ускоренному формированию в структуре отечественной экономической географии (играющей в те годы ведущую роль в изучении закономерностей пространственного развития) особого направления, сфокусированного на расселении населения, включая и соответствующие его крупногородские форматы, всё в возрастающей мере выходящие на авансцену исследовательской повестки [7; 8].

Отслеживая урбанистическую динамику, осознавая и (что сейчас, десятилетия спустя, абсолютно очевидно!) достаточно корректно оценивая перспективу дальнейшего «стягивания» населения в крупнейшие города и их ближнюю периферию, некоторые геурбанисты того периода (включая В.Г. Давидовича,

Д.И. Богорада, Ю.Л. Пивоварова, а также Г.М. Лаппо, в 1975 г. успешно защитившего докторскую диссертацию на тему «Экономико-географические проблемы развития крупных городских агломераций СССР») ставили вопрос о наличии некой логической эволюции форм расселения от отдельных городов к формирующимся на их основе агломерациям (согласно Ю.Г. Саушкину – «мощным интеграционным ядрам общественной жизни на обширной территории» [9, с. 86]) и далее – урбанизированным районам и зонам [10]. Одновременно акцентировалась и всё возрастающая социально-экономическая роль совокупности последних, идентифицируемых в качестве некоего «опорного каркаса территории» [7; 11]. Поскольку данные стороны урбанизации и, в ещё большей мере, их концептуальная трактовка отличались от ранее сложившихся в советской экономической географии представлений о закономерностях и целевых ориентирах размещения производства и населения, они и оказались в фокусе внимания развернувшейся дискуссии.

Объектами критики, представленной в рассматриваемой статье Н.Т. Агафонова, С.Б. Лаврова, С.Б. Хорева, стали «*ультраурбанизм*» (или «*урбансоциологизм*», понимаемый в виде системы воззрений, в рамках которой «в качестве высшего типа расселения рассматриваются городские агломерации и мегалополисы» [2, с. 534]) и «*аглоцентризм*» (когнитивная установка, когда «акцент делается на ничем не ограниченную урбанизацию» [2, с. 534]). Провозглашая неприятие всех этих относимых к области геоурбанистики «измов» (при том, что значимость урбанизации и сопряжённых с ней агломерационных процессов как одной из ключевых составляющих пространственной динамики общества сомнению не подвергалась), сама статья, при этом, в содержательном отношении никоим образом не ограничилась лишь их критикой, а вместила в себя, как мы уже сказали выше, ряд значимых методологических установок и идей.

Процессы урбанизации как следствие трансформации экономики и общества. В статье прежде всего обращает на себя внимание указание на принципиальную неправомочность (теоретико-методологическую ошибочность) произвольного «отрыва» в экономико-географической исследовательской практике, в том числе и мотивированного необходимостью

сфокусированного, узкопредметного исследования, любого рода изучаемого явления либо процесса, какими бы масштабными и специфическими они не выглядели, от всей экономической и, шире, обществоведческой пространственной реальности (динамики). Не следует, полагали авторы статьи, рассматривать как некую «вещь в себе» и процесс урбанизации. «Частные явления, подчёркивали они, нельзя анализировать без знания общих закономерностей, частные следствия нельзя устранить без изменения их причин» [2, с. 537], равно как и осуществлять «отрыв расселенческих концепций от теории и практики не только материального производства, но и общества в целом» [2, с. 537].

Конечно, современные нам исследователи не могут не говорить о причинах, происходящих в процессах урбанизации изменений. Однако, как представляется, сколько-нибудь общепринятых представлений о соответствующей нынешнему этапу развития экономики и общества системе расселения так и не сложилось. Наглядной иллюстрацией этой проблемы, на наш взгляд, является тот факт, что в ходе критики современных трендов динамики населения, миграционной ситуации в разных типах населенных пунктов, а также заложенных в СПР представлений о дальнейшей трансформации системы расселения, нередко в качестве аргумента используются отсылки к историческому прошлому. Хотя совершенно очевидно, что за последние несколько десятилетий технологии кардинально изменились, и эти изменения влияют не только на структуру экономики и занятости, но и на требования к объектам социальной сферы. Если, условно, 100 лет назад детей, как принято говорить, «рожали в поле», 50 лет назад медицинская помощь была, но, например, о сколько-нибудь масштабном применении УЗИ для беременных еще не было и речи, то в последнее десятилетие реализуется программа развития перинатальных центров. А это означает, что условия получения медицинской помощи становятся все более дифференцированными по разным типам населенных пунктов (в отличие от ФАПа, высокотехнологичный перинатальный центр в каждом небольшом поселении построить невозможно), и такая дифференциация является вызовом для государственной политики пространственного развития.

Происходящие изменения не являются однонаправленными, например, «выгодными» только для крупнейших городов и проблемными для малых населенных пунктов. Дополнительные сложности развития малых городов и сельской местности возникают в связи с ростом автоматизации производства, ведущему к высвобождению рабочих рук в традиционных видах деятельности, включая сельское хозяйство и промышленность. Зато новые технологии резко повысили возможности комфортного проживания в тех местах, где нет централизованной коммунальной инфраструктуры, что создает условия для развития селитебной функции таких территорий. Немало противоречивых факторов. Например, на транспорте рост скоростей увеличивает приемлемое расстояние для поездок на работу, однако «пробки» могут перечеркнуть это преимущество. Столь же неоднозначны последствия развития информационных технологий. Сейчас много говорят о возможностях развития удаленной занятости, однако часто забывается, что «в обеспечении инновационного процесса большую роль играют перетоки не кодифицированного знания (которое можно передать через Интернет), но так называемого неявного знания (*tacit knowledge*), почти полвека назад описанного К. Полани – а передача неявного знания требует личного общения его носителей» [12, с. 11], что как раз является одним из объяснений сохраняющихся преимуществ крупнейших городов в развитии инновационных видов деятельности.

Приведенные примеры, на наш взгляд, наглядно свидетельствуют о том, что остается еще огромное поле для исследований процессов урбанизации и трансформации системы расселения в целом в увязке с происходящими в экономике и обществе России изменениями.

Необходимость единой системы расселения. Обладая широчайшим кругозором и несомненной научной интуицией, Н.Т. Агафонов, С.Б. Лавров и Б.С. Хорев смогли, полагаем, «прочесть», увидеть в публикациях современных им коллег-геоурбанистов некую (отчасти связанную с восприятием зарубежного опыта, что, как подчёркивали критики «ультраурбанизма и аглоцентризма», «само по себе не может быть криминалом» [2, с. 534]) концептуально-идеологическую предтечу не только последующей манифестации особой, исключительной

роли крупнейших городов (в дальнейшем проявляющуюся в рамках резко активизированных с конца XX столетия работ по «метрополитации» [13] и «глобальным городам» [14; 15]), но и стремительно возросшего уже в постсоветской России неравенства ресурсов, статусов и возможностей по оси «столица, столичная агломерация – периферийное поселение, сельская местность». Не случайно, наряду с фиксацией внимания на проблемных ситуациях, напрямую связанных с развитием крупнейших городов (в том числе и с отсылкой к позиции зарубежных исследователей, включая теоретика американской географии П. Хаггета, заявлявшего, в частности, о наличии «порога, за пределами которого дальнейшее увеличение размера города становится неэкономичным» [16, с. 375]), весомая часть анализируемой статьи посвящена изложению ключевых положений складывающейся в тот момент в советской социально-экономической географии концепции «Единой системы расселения» [17], нацеленной «на *равноправное, координированное развитие всех типов поселений в рамках определённых локальных и региональных систем расселения*» [17, с. 538].

Установка на равноправность поселений самими авторами критики аглоцентристских идей, впрочем, изначально оказалась «закавычена». Все резоны для этого в советский период имелись и уже к моменту дискуссии были весьма основательно акцентированы и осмыслены. Достаточно сослаться на изложенную ещё в 1946 г. позицию Н.Н. Баранского, полагавшего, что «Города – это как бы командный состав страны... Как и командный состав, города имеют свою иерархию» [18, с. 19–21], равно как и мнение Ю.Г. Саушкина о наличии определённой «иерархии» городов [9, с. 210]. Переход же нашей страны к рынку и капитализму не только обнажил проблему территориального, межпоселенного неравенства, но и существенно усилил её многоаспектные проявления. Для постсоветской России в ещё большей мере, чем ранее, оказалась характерна (по А.И. Трейвишу) «асинхронность и разновекторность крупноподгородского и регионального развития» [19, с. 59], причём на смену былой поляризации «город-деревня» пришла поляризация «крупноподгородские центры – периферия» [20, с. 411].

Подчеркнем, что купирование данного рода пролонгированных негативных эффектов (обретающее особого рода актуальность на современной, трансформационной, высокотурбулентной стадии развития российского социума и его пространства, испытывающих резко возросшее влияние геополитических детерминант) в современном политико-экономическом контексте не может быть реализовано иначе, чем выстраиваемое скоординированное, *взаимоподдерживающее* развитие всех типов поселений. Именно в этом содержательном посыле основательно недооценённая (и, к сожалению, подзабытая) российскими исследователями доктрина «Единой системы расселения» в модифицированном (осовремененном) своём виде, как видится, способна стать одним из ориентиров при выстраивании новой стратегии пространственного развития страны.

О системе расселения в целом в российской научной литературе работ вообще немного – больше исключительно о городах (всей их совокупности, но чаще даже только о крупнейших или, напротив, малых) или о сельской местности, хотя о значимости анализа именно системы расселения говорилось, например, еще десять с небольшим лет назад в работах известного специалиста по региональной экономике В.Н. Лексина [21; 22]. В определении, данном опять-таки в географии, система расселения – «территориально целостная и функционально взаимосвязанная совокупность поселений; характеризуется как параметрами входящих в нее поселений, так и составом и интенсивностью социально-экономических связей между ними» [23, с. 277] В.Н. Лексин совершенно справедливо акцентирует внимание на «целостность» и «функциональную взаимосвязанность». У каждого типа населенных пунктов свои функции в системе расселения, как крупный город не может существовать без сельской местности, так и сельская местность, малые города не могут существовать без крупных городов. И использовать надо потенциал всего расселения [24, с. 9].

Вместе с тем, возвращаясь к первому тезису об изменении системы расселения в результате трансформации экономики общества, нельзя не сказать о том, что установка на «развитие всех типов поселений» вовсе не означает, что некой абсолютной сверхзадачей в области пространственного развития

страны является сохранение (любой социально-экономической ценой) всей имеющейся на территории страны совокупности населённых пунктов или, иначе говоря, консервация сложившейся системы расселения. Нужен баланс между сохранением структуры пространства и его предопределяемым технико-экономическими и социокультурными переменами преобразованием. И задача, причем очень непростая, современных исследований – найти, обосновать этот баланс.

Еще одна сложнейшая и, как представляется, довольно далекая от своего решения задача – исследование функциональной взаимосвязанности разных типов населенных пунктов, в том числе городов разной людности и статуса, сельских поселений. На сегодняшний день речь идет в основном о концентрации населения и экономической активности в крупнейших городах, административных центрах субъектов РФ и влиянии такой концентрации на экономический рост самих городов и регионов (целая серия таких работ опубликована, например, П.В. Дружининым [25; 26]). Однако как причины подобной концентрации, так и реальная роль городов в развитии окружающих их территорий являются гораздо более сложными явлениями. Экономическое благополучие города может быть и результатом развития в нем высоких технологий, сложных услуг (т.е. действия объективных преимуществ крупнейших городов в инновационном развитии), и следствием концентрации в городе относительно простых торгово-посреднических, финансовых, управленческих функций (что означает не только сильную зависимость города от состояния реального сектора экономики в его регионе или даже стране, но и, действительно, неоправданное вытягивание человеческих ресурсов из окружающих регионов), и итогом сочетания этих процессов. Влияние крупнейших городов на окружающие их территории стягиванием ресурсов отнюдь не ограничивается; города являются по меньшей мере важнейшим источником спроса на производимые в близлежащих регионах продукцию и услуги. И, как уже отмечалось, «периферию не вырвать из кризиса и застоя, если из него не выйдут сами центры» [15, с. 305]. При этом агломерации «должны не противостоять межагломерационным пространствам, а взаимодействовать с ними и способствовать их рациональной –

экономически, социально и экологически – организации» [27, с. 126]. Масштабы и характер такого взаимодействия в немалой степени зависят от государственной политики (как минимум, от обеспечения транспортной связности территорий), и именно в ее рамках в первую очередь необходимо сместить акценты от противопоставления разных типов населенных пунктов к обеспечению их взаимосвязанного развития. При этом важно обсуждать не только крупные городские агломерации, но и в целом процессы интеграции городов (средних и даже части малых) с окружающими их территориями [28].

Значимость экономического районирования. Еще одно положение статьи Н.Т. Агафонова, С.Б. Лаврова и Б.С. Хорева, на которое стоит обратить внимание, – это критика подмены экономического районирования вычлениением некоего «опорного каркаса территории» [2, с. 534]. Ранее схожие идеи постулировал и ведущий экономико-географ Ю.Г. Саушкин, полагая, что «никакие рассуждения о «районно-комплексных проблемах», о «районной экономике», о комплексности развития, о показателях специализации районов и тому подобное не имеют научного и практического значения, если они не относятся к объективной системе конкретных экономических районов страны» [9, с. 129]. Вместе с тем интерес к проблематике экономического районирования, ставшего важнейшим достижением советской экономической географии, в целом начал сокращаться в период 1960-70-х годов [29]. Причина этого, по всей видимости, кроется как непосредственно в снижении роли экономической проблематики в географических исследованиях (что иллюстрирует и рассмотренная выше проблема отрыва урбанистических исследований от экономического анализа), так и в порождённой дифференциацией общественно-географического знания частичной утрате системного взгляда на территорию (которую, согласно Н.Н. Баранскому, «можно и должно рассматривать двояко: 1) как часть некоторого более обширного целого и 2) как целое, состоящее из частей» [30, с. 19]), традиционно в существенной мере реализуемого в рамках её районирования.

В настоящее время с экономическим районированием сложилась парадоксальная ситуация. Выделенные еще в советский период районы продолжают существовать: их можно встретить

в учебниках по региональной проблематике (экономической географии, региональной экономике и др.), научных работах, они продолжают присутствовать в «Общероссийском классификаторе экономических регионов. ОК 024-95»⁶. Однако совершенно очевидно, что унаследованная с советских времен сетка районирования устарела (информационно и методологически) как минимум на полстолетия, то есть является мемориальной, архивной. Как симптоматично и справедливо подмечает В.Е. Шувалов, «в реалиях современной России мы имеем дело с историко-географическим районированием» [31, с. 2]. Оно не вмещает в себя в должной мере ни геOURбанистические структуры (попытка коллег из МГУ идентифицировать особый «Московский столичный район» [32] – новация знаковая, необходимая, но единичная и, соответственно, явно недостаточная), ни постсоветские перемены в пространственной организации населения и хозяйства, ни конструкты желаемого (прогнозируемого) будущего страны («элемент учёта перспектив развития» [33]).

В настоящее время важно не просто вновь переосмыслить (в позитивном ключе, нацеленном на заимствование конструктивных идей) теорию и практику советского экономического районирования, но и приступить к конвергенции этого ключевого компонента отечественного общественно-географического наследия («основ советской экономико-географической науки» [34]) с ныне столь же серьёзными, фундаментальными наработками и подходами в области геOURбанистики *в контуре нового социально-экономического районирования страны* (не противопоставляя, как учил Н.Н. Колосовский, понятие «экономический очаг» понятию «экономический район» [33, с. 82] и помятуя, одновременно, о регионоформирующем потенциале «лидирующих», согласно Я.Г. Машбицу [34], элементов геосистем, способных подчинять другие элементы, координируя их развитие в направлении целостности). Разумеется, необходимо смещение акцента на «сетевые» структуры (и связанные с ними узловые, «нодальные», согласно теоретическим конструктам Б.Б. Родомана [35], районы), равно как и на новый, пришедший на смену советскому, формат функционирования

⁶ Утверждены Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 № 640.

экономики (нарастившей свои сервисные, финансовые, трансграничные компоненты).

Именно в рамках обновлённого экономического (социально-экономического, общественного) районирования разумно обсуждать перспективы развития единой системы расселения, взаимодействия разных типов населенных пунктов. И стоит отметить, что попытка разработать и утвердить новую сетку экономических районов (только называя их макрорегионами) в официальном документе была предпринята еще во второй половине 2000-х годов – в ходе работы над Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, но тогда она не была реализована [36]. Зато в 2014 г. в федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁷ было дано определение макрорегиону, по смыслу очень близкое к экономическому району. Однако на деле сетка макрорегионов, утвержденных в 2019 г. в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, конечно, претендовать на сетку экономических районов не может, поскольку сформирована на основе федеральных округов (границы которых, в свою очередь, повторили сетку военных округов и не были определены на основе анализа каких-либо социально-экономических параметров). Неудивительно поэтому, что сколько-нибудь заметной роли макрорегионы в российской науке и практике управления не играют, стратегии их социально-экономического развития (как это предписывает названный закон о стратегическом планировании в России) так и не были утверждены.

Выводы. Как видим, спустя 40 лет, прошедших с момента публикации статьи Н.Т. Агафонова, С.Б. Лаврова и Б.С. Хорева, исследователи-регионалисты сталкиваются с необходимостью решения тех же проблем, которые обозначили эти авторы, что вполне можно считать свидетельством реальной значимости поднятых ими вопросов, имеющих отнюдь не конъюнктурный характер и не являющихся следствием каких-то особенностей текущей системы государственного управления. И эти исследовательские задачи должны решаться. При разработке новой Стратегии пространственного развития страны важно:

⁷ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

- сформировать представления об *устойчивости* системы расселения – о допустимых и даже необходимых изменениях в этой системе, исходя из происходящих в экономике и обществе трансформаций, необходимых масштабах консервации системы расселения ради обеспечения задач национальной безопасности;
- проработать вопросы *единой системы расселения*, в которой будет отражено взаимовлияние разных типов населенных пунктов, их функциональная сопряженность; более частной задачей в рамках оценки такого взаимовлияния, которое будет особенно важно учитывать на уровне субъектов Федерации, является выделение гораздо большего чем ныне числа городских агломераций;
- определить подходы к новой системе экономического (социально-экономического) *районирования* страны (по всей видимости, основанной на выделении узловых районов разных иерархических уровней), направления использования новой сетки экономических районов в практике государственного управления пространственным развитием.

Список литературы

1. Кузнецова О.В. Возрастающая роль городов-миллионеров: опыт Германии в контексте российских проблем // *Федерализм*. 2018. № 4. С. 37–50.
2. Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Хорев Б.С. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1982. Вып. 6. С. 533–538.
3. Лола А.М. Так ли ошибочны эти концепции? // *Актуальные проблемы урбанизации и расселения*. Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1984. С. 107–114.
4. Полян П.М. Вековая эволюция агломераций и угроза деградации опорного каркаса расселения России // *Проблемы урбанизации на рубеже веков*. Смоленск: Ойкумена. 2002. С. 63–70.
5. *Народонаселение стран мира*. Справочник / под ред. Б.Ц. Урланиса. 2-е изд. М.: Статистика. 1978. 527 с.
6. Безденежных В.А. О тенденциях развития крупных городов за рубежом // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1984. Вып. 5. С. 393–401.
7. Лаппо Г.М. Развитие крупных городских агломераций в СССР. М.: Наука. 1978. 152 с.
8. Литовка О.П. Урбанизация в СССР: проблемы пространственной организации // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1978. № 5. С. 435–438.
9. Саушкин Ю.Г. *Экономическая география: история, теория, методы, практика*. М.: Мысль. 1973. 559 с.
10. Пивоваров Ю.Л. *Современная урбанизация: основные тенденции расселения*. М.: Статистика. 1976. 192 с.

11. Полян П.М. Крупные городские агломерации в СССР // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1982. Вып. 4. С. 428–432.
12. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Концепция близости: зарубежный опыт и возможности применения в России // *Известия РАН. Серия географическая*. 2017. № 3. С. 8–21.
13. Дружинин А.Г. Метрополи и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // *Известия РАН. Серия Географическая*. 2014. № 1. С.19–27.
14. Слукa Н.А. Геодемографические проблемы глобальных городов. Смоленск: Ойкумена. 2009. 317 с.
15. Тревиши А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведов. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
16. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс. 1979. 685 с.
17. Хорев Б.С., Смидович С.Г. Расселение населения. М.: Финансы и статистика. 1981. 192 с.
18. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // *Вопросы географии*. 1946. Сб. 2. С. 5–14.
19. Тревиши А.И., Нефедова Т.Г. Столичность, центральность, размеры и соперничество городов в мире и в России // *Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования*. Георг. ф-т МГУ. 2021. С. 49–71.
20. Замятина Ю.Н., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый хронограф. 2013. 548 с.
21. Лексин В.Н. Настоящее и будущее системы расселения – главная проблема России // *Федерализм*. 2011. № 1. С. 57–74.
22. Лексин В.Н. Кризис системы расселения в контексте кардинальной трансформации территориальной организации российского общества // *Российский экономический журнал*. 2012. № 1. С. 3–44.
23. Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины / Гл. ред. А.Ф. Трешников. – М.: Советская энциклопедия, 1988. 432 с.
24. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 236 с.
25. Дружинин П.В. Развитие административных центров и их влияние на экономику регионов // *Проблемы прогнозирования*. 2022. № 2. С. 69–79.
26. Дружинин П.В. Концентрация ресурсов в Москве: влияние на экономику Центрального федерального округа // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 3. С. 115–140.
27. Лаппо Г.М. Города России: взгляд географа. М.: Новый хронограф. 2012. 504 с.
28. Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Агломерирование и расселение: к проблеме идентификации и учета // *Известия РГО*. 2013. Том 146. Вып. 5. С. 48–56.
29. Константинов О.А. Новое направление географических исследований // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1979. № 4. С. 293–298.
30. Баранский Н.Н. О методике лекций по районному курсу экономической географии СССР // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1941. № 1. С.16–22.
31. Шувалов В.Е. Теория районирования. Курс лекций. М.: МГУ. 2004. 27 с.
32. Экономическая и социальная география России. География экономических районов России. Учебник / Под ред. В.Л. Бабурина, М.П. Ратановой. М.: ЛЕНАНД, 2017. 640 с.
33. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Государственное издательство политической литературы. 1958. 202 с.
34. Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Литовка О.П. О современной урбанизации и оптимальных размерах советских городов // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1979. Вып. 4. С. 422–426.

35. Машбиц Я.Г. Тенденции развития географической мысли // Известия АН СССР. Серия географическая. 1990. № 4. С. 17-27.
36. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена. 1999. 256 с.
37. Кузнецова О.В. Система макрорегионов в экономическом пространстве России // Региональные исследования. 2012. № 3. С. 33–43.

Для цитирования: Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. «Ультраурбанизм и аглоцентризм» vs «единая система расселения»: актуальность дискуссии сорокалетней давности // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. № 1. С. 135–150.

DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-135-150

Summary

"ULTRA-URBANISM AND AGLOCENTRISM" VS "UNIFIED SETTLEMENT SYSTEM": THE RELEVANCE OF THE FORTY-YEAR-OLD DISCUSSION

DRUZHININ Alexander G., Dr. of Science (Geography), Professor, alexdru9@mail.ru, the Head of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the South Federal University, Rostov-on-Don; chief researcher at the Institute of Economic Forecasting of the RAS, Moscow, Russia

Scopus Author ID: 7005628550; <https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

KUZNETSOVA Olga V., Dr. of Science (Economics), Professor, kouznetsova_olga@mail.ru, chief researcher at the Institute of Economic Forecasting of the RAS, Moscow, Russia

Scopus Author ID: 57204369406; <https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

Abstract. In the early 1980s, a discussion on conceptual approaches in geo-urbanistics unfolded in our country, the highlight of which was the publication in 1982 of an article by N.T. Agafonov, S.B. Lavrov and B.S. Khorev "On Some Erroneous Concepts in Urbanistics". After four decades, the main ideas of these scientists have not lost their relevance and provide a basis for understanding the current challenges of Russia's

spatial development. We are talking about the need to assess the processes of urbanization as a result of the transformation of the economy and society, the development of ideas about a unified settlement system, the revival (taking into account modern realities) of economic regionalization.

Keywords: spatial development, urbanization, urban agglomerations, settlement system, economic regionalization

For citation: *Druzhinin A. G., Kuznetsova O.V. "Ultra-Urbanism and Aglocentrism" vs "Unified Settlement System": the Relevance of the Forty-Year-Old Discussion // Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2023. No 1. Pp. 135–150. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-135-150*